

Киес. правда. - 1994. - 11-14 февр. - с. 14.

Фильм режиссера Андрея И мало кто досматривает до конца. Уже через 10 минут в зале остается лишь несколько человек. Да и те — казалось бы, наиболее стойкие — периодически нервно отводят взгляд от экрана, начиная усиленно рассматривать собственные колени.

Это и немудрено. Весь фильм режиссер — крупно, в цвете и явно смакуя — показывает копание в человеческих внутренностях. Разрезается сердце, удаляются мозги, железки вбиваются в коленку, пальцы с рук пересаживаются на ноги, демонстрируются всевозможные уродства. (Публика, в большинстве своем далекая от медицины и обладающая нормальной психикой, естественно, начинает нервничать, ощущая себя странным образом попавшей на курсы начинающих садистов).

Все эти кадры — документальные, купленные за несколько миллионов у одной из рассекреченных ныне госорганизаций. Причем самые жуткие и подробнейшие из них чередуются с удивительно красивыми постановочными вставками в духе голландских натюрмортов: раки, лимоны, красная ткань. Или же — освещенная красным светом девушка, алчно пожирающая макароны. (Можно пред-

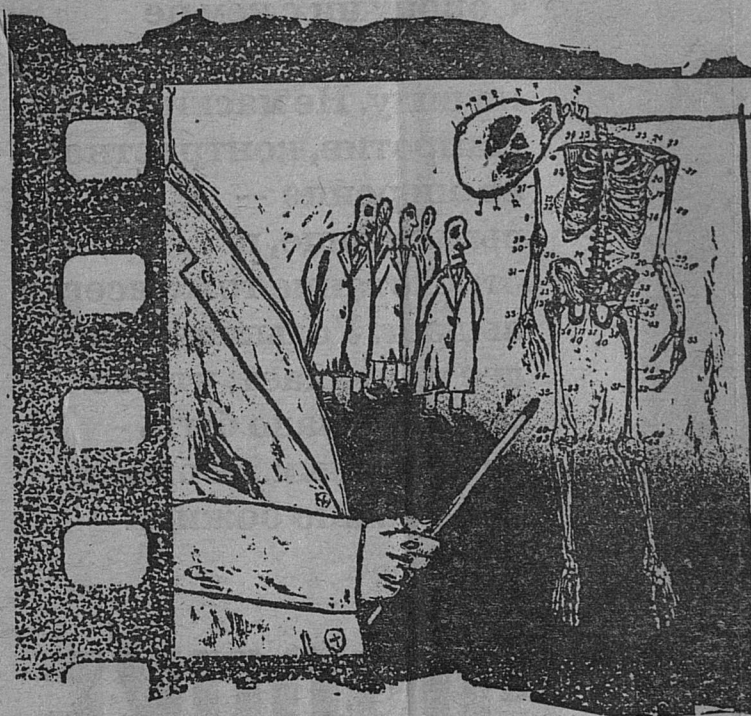
— И, между прочим, провожу статистику воздействия. Как ни странно, у многих людей после фильма разыгрывается аппетит. Они приезжают домой и съедают все, что есть в холодильнике. Я сам пока не понял, на уровне каких ритмов это происходит... Многие воспринимают картину как человеколюбивую: ведь когда видишь на экране циничное отношение к чужому телу — к своему начинаешь относиться лучше.

— Жуткая хроника и изощренный монтаж — это что, новый жанр?

— Разделения жанров — документальный, художественный — принципиально не принимаю. Есть скучно, и есть нескучно. Чем хороша хроника — она человеком воспринимается абсолютно. Он верит. И в игровом кино, когда стремятся достичь особой достоверности — всегда берут документальные кадры. Например, сцены расстрелов. Это момент раскрытия. Когда хочешь стукнуть по мозгам.

— Вы хотели своим фильмом в первую очередь стукнуть по мозгам, шокировать?

— Безусловно — шокировать. Это один из методов. Более того, думаю,

FRANCES JETTER

101-Й ДЕНЬ СОДОМА,

или Искусство принадлежит уродам?

ставить, какой именно эффект производит эта сцена, показанная сразу после кадров с окровавленными человеческими потрохами).

В это время за кадром звучит не менее оптимистичная история из романа Томаса Манна — о человеке, разнесенном снарядами в клочья. Его глаз, висящий на кусте над растерзанным телом, наблюдает за происходящим. Потом прилетает голубь и глаз склевывает...

На самом деле фильм повествует о

шок мало используют. Хотя, казалось бы, на этом поле уже и посадить нечего. Ничего подобного! Такие можно делать вещи...

Помните случай в Голливуде, когда экспертная комиссия выяснила, что в художественном фильме было не симулированное убийство, а настоящее? Такой скандал... В следующей картине у меня будет спровоцированное убийство — в нашей стране это вполне возможно. Представь-

Можно сначала сломать ногу, чтобы наступил болевой шок, потом проломить ребра, чтобы они проткнули легкие. Но все должно быть достаточно медленно (чтобы растянуть на 300-метровую кассету). Наконец, жертву подводят к камере, насаживают на крюк и начинают поедать...

Могу поспорить, что никто не докажет, что эта сцена сыграна.

— А как же насчет вечного призыва к искусству что-то нести? Желательно разумное, доброе, вечное?

— Да не должен режиссер записываться: это можно, а это уже нельзя. И вообще, в истории человечества наши оценки, что есть хорошо, а что плохо, медленно сдвигаются. Уже сейчас можно серьезно говорить о том, что убийство не является злом.

— ?

— Это совсем другая категория. Добро и зло — те обманные моменты, которые мешают человеку быть искренним, путают его. Искренность — хорошее слово...

— Допустим, кто-то искренне решил узнать, что внутри другого человека. Искренне возьмет ножик и посмотрит...

— Нет, путь искренности ведет к тому, что человек начинает жить подругому. Даже если человек и сделает то, о чем вы говорите, — это не

значит, что он принесет другому человеку зло. Ведь это будет в той ситуации, о которой мы говорим сейчас не можем.

— Быть не таким, как все, и любой ценой избегать банальности — основные принципы вашей жизни?

— Не то чтобы я во всех своих поступках к этому стремлюсь. Но быть таким, как все, — мне бы уж очень не хотелось. Я бы от этого умер, наверное...

— Мне рассказывали, что вы задумали еще какую-то абсолют-

но небанальную акцию? Свой непревзойденный вариант «100 дней Содома» Пазолини?

— Да, публичного калонизвержения. Чтобы все могли пронаблюдать, как это происходит, формируется, падает. Это же процесс, и в нем тоже есть своя эстетика. Она может быть сюжетной. Если актер находится над камерой, а камера расположена под стеклом, то можно сделать все очень красиво: ползет муравей, и нужно точно уложить так, чтобы муравью перекрыть дорогу...

— Человек со столь неформальным подходом к творчеству, наверно, должен иметь и какую-то незаурядную жизненную концепцию?

— Да, я, например, носитель и глава школы одного из маньчжурских стилей (это семейная традиция). Там есть свои правила, своя философия. Маньчжуры никогда не пугали себя какими-то культовыми вещами в религии. Эта тема — человек как абсолют среди мира — у них никак не затиралась. (Этой маньчжурской атрибутике, духу, странной философии красивой жестокости я обязательно хочу посвятить фильм).

Кроме того, ведь маньчжуры — шаманисты, поэтому я, как глава клана, являюсь религиозным главой, шаманом. Правда, когда я об этом говорю, не все это правильно воспринимают.

Ну а еще я и председатель общества любителей-каннибалов.

— У нас есть такое общество?

— Это тонкий момент. Сейчас слухи уже поползли. И я чувствую недоброе внимание...

— И что же, у общества уже были какие-то акции? Или оно развивается чисто теоретически?

— Знаете, есть такая категория вопросов, которые не требуют ответов...

— Интересно, а, узнав о вас больше, с вами люди не перестают общаться? Ведь быть съеденным — перспектива достаточно нерадостная.

— У меня был один случай. Привел домой девушку с какой-то гуляки. По дороге разговаривали. А у меня дома меч висит семейный. Она посмотрела, действительно испугалась, что я ее сейчас убью. Началась истерика, вывели из которой я ее не смог. Видимо, переусердствовал со своими шаманскими штучками...

Ирина ХМАРА.

Наконец, жертву подводят к камере, насаживают на крюк и начинают поедать... Могу поспорить, что никто не докажет, что эта сцена сыграна.

попытке создания в 40-е годы в СССР искусственных управляемых людей. Но все это — скорее на втором плане. На первом же, несмотря ни на что, остается один лишь бьющий по нервам натурализм.

Остается добавить, что беседа с режиссером Андреем И оказалась не менее познавательной, чем его фильм.

— Снимая фильм, какую реакцию вы рассчитывали вызвать? Ужас, рвотный рефлекс?

те такой кадр: комната, широкий угол, объектив. Совсем близко перед объективом в стену вбит крюк, а вдалеке находится человек. Входит другой человек, подходит и говорит: «Сейчас я тебя убью». И по тому, как первый оборачивается, начинаешь понимать, что он не играет, — уж очень все правдиво.

Здесь методы убийства могут быть самыми разными — в зависимости от этих двух конкретных людей.

Р. С. Конечно же, не стоит воспринимать все это буквально. Так же, как не стоит думать, что герой этого интервью — кровожадный садист с явными психическими отклонениями. Должна вам признаться, что, напротив, — это милейший молодой человек с совершенно экзотическими усами, довольно неординарной прической и своеобразным чувством юмора. Считая себя представителем контркультуры, естественно, он эпатирует, одновременно и шокируя, и презирая публику. И рассматривая создаваемый образ — тоже как своего рода произведение искусства...

Надо сказать, что критики воспринимают все эти игры (и в кино, и в жизни) довольно скептически, считая их лишь банальными попытками пройти непройденные в свое время уроки. И говоря о том, что все это — и метод провокации, и стремление к абсолютной подлинности происходящего на экране, и призывы преодолеть все табу — в западной культуре уже было. Было и благополучнейшим образом прошло — увы, так и не удостоившись определения новой великой эстетики...